

УДК 9(94)
DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Баринов И. И.

«Натурализованный сын Белоруссии»: загадка доктора Дитмана

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: barinovnoble@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. «Натурализованный сын Белоруссии»: загадка доктора Дитмана // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 233–253.
DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Статья поступила в редакцию 23.11.2020.

Аннотация

В статье рассматривается биография Валентина Дитмана, юриста и политика балтийско-немецкого происхождения, ставшего советником дипломатической миссии Белорусской народной республики (БНР) в Берлине. При непосредственном участии Дитмана была опубликована немецкоязычная брошюра «Белоруссия», долгое время служившая в Германии основным источником сведений о названном регионе. В более широком контексте через призму жизни и деятельности Дитмана исследуется трансформация системы представлений и мотиваций бывших имперских элит после революции 1917 г. Стремление сохранить и по возможности улучшить свой социальный статус в условиях нестабильности заметно расширило для них границы допустимого. В частности, ранее лояльные трону представители образованных слоев могли изменить свои взгляды на саму идею «сильного государства». Теперь их позиция колебалась от федерализма до сотрудничества с теми, кто ранее признавался «сепаратистами». На примере Дитмана можно проследить своеобразный опыт «человека имперского» по совмещению унаследованного от предков элитистского сознания с национал-демократическими взглядами и локальным (бело)русским патриотизмом.

Ключевые слова

Российская империя, балтийские немцы, Белорусская народная республика, белорусское национальное движение, германо-белорусские отношения.

Осенью 1919 г. берлинский журналист Вальтер Егер писал предисловие к небольшой брошюре с длинным названием «Белоруссия. Страна, жители, история, народное хозяйство, культура, поэзия». Уже в первых строках автор сетовал, что немецкая литература по белорусской тематике «невероятно скудна». Разбирая причины того, почему информацию приходится собирать буквально по крупичкам, он отметил, что Белоруссия воспринималась немцами вместе с «коренным образом отличающейся от нее Литвой», или же как ее «незначительный придаток». По словам Егера, лишь события новейшего времени позволили четко разделить их. В этой связи он особо выделял роль «доктора фон Дитмана, адвоката из Гродно», которому был обязан своим появлением как исторический раздел брошюры, так и ее выход в свет¹.

В реальности Валентин Дитман не был профессиональным историком. До определенного момента ничто не связывало его и с Беларуссией, кроме того, что в свое время его отец два года прослужил врачом в Полоцкой военной гимназии. Революционные потрясения 1917–1918 гг. сделали из неудавшегося чиновника и провинциально-го юриста дипломатического представителя Белорусской народной республики (БНР). Находясь в Берлине, Дитман консультировал руководителей нового государства и организовал для него первую информационную кампанию. Оценивая его заслуги, глава белорусской дипломатической миссии Леонард Заяц назвал Дитмана «натурализованным сыном Беларуссии»².

Карьера Дитмана оказалась прервана его неожиданным увольнением из дипкорпуса БНР, после чего он бесследно исчез. Вместе с неподдельной вовлеченностью в дело белорусской государственности это стало его настоящей загадкой. Дитман чем-то неосозанно напомнил другого белорусского активиста немецкого происхождения, Эдмунда Зуземиля, у которого также неизвестны даже время и место смерти.

1 Weissruthenien. Hrsg. v. W. Jaeger. Berlin, 1919. S. 3–4.

2 *Сакалоўскі У.* Надзвычайная місія БНР у Нямеччыне (1919–1925) // *Arche*. 2009. № 3. С. 252.

Как представляется, подобный поворот в судьбе Дитмана стал результатом стечения обстоятельств, как случайных и неожиданных для него самого, так и обусловленных особенностями его личности.

Будущий дипломат родился 18 декабря 1878 г. в Петербурге в балтийско-немецкой семье. Его дед, выходец из Пруссии Александр Фридрих Дитман, сделал в России преподавательскую карьеру и выслужил дворянство. Отец Валентина, медик Вольдемар (Владимир Александрович) Дитман, был женат три раза и имел в общей сложности 13 детей. Валентин был одним из сыновей от второго брака. Большая семья жила в центре Петербурга, на улице Троицкой (ныне Рубинштейна), дом 5. Через четыре дома жил земляк, коллега и тезка отца семейства, Вольдемар Рипке. Его дети и племянники ходили в ту же школу, что и Дитманы. Из этой семьи происходил Аксель Рипке, в будущем известный в Германии «эксперт по России» и нацистский гауляйтер.

Стоит отметить, что мироощущение молодого Валентина складывалось под влиянием нескольких важных факторов. Долгое время остзейские провинции в составе Российской империи обладали фактической автономией, основанной на паритете местных немецких элит и правящей династии. Благодаря этому балтийские немцы сохраняли традиционный уклад жизни и структуру общественных отношений. Постепенная ревизия старых порядков со стороны центральных властей и вовлечение региона в общеимперскую жизнь в ходе русификации вызвали у балтийских немцев неоднозначную реакцию. Консервативная часть остзейского общества перешла к пассивному сопротивлению. Напротив, более либеральные балтийцы стали рассматривать империю через призму карьерных возможностей. В этом случае балтийские немцы глубоко интегрировались в общеимперское / русскоязычное пространство, при этом их «балтийскость» вытеснялась в сферу приватного.

Похожую стратегию в свое время осуществили и Дитманы. Представители этой семьи были преподавателями, медиками и военными, что обеспечивало их вхождение в имперскую элиту. Вместе с тем они сохраняли традиционное балтийское мировоззрение. Одним из его элементов было восприятие Российской империи как династической федерации, состоявшей из множества различных регионов, а не жестко централизованного государства. Сюда же добавилось характерное для остзейских немцев представление о себе как проводниках «высокой» культуры для менее развитых общностей. Особый элитный статус балтийцев, до определенного момента признававшийся властями, закреплял этот идейно-психологический комплекс.

С другой стороны, окружавшая Валентина повседневность всегда носила некоторый оттенок инаковости. Вольдемар Дитман, выпускник Дерптского университета, в какой-то момент обратился к альтернативной медицине. Его перу принадлежит масса публикаций на тему гомеопатии, включая открытые письма в ее защиту. Помимо этого, семья Дитманов играла заметную роль в петербургской «Общине апостолов последних дней». В литературе она именуется «сектой ирвингиан», последователей английского проповедника Эдварда Ирвинга. Так, долгие годы ее предстоятелем был дядя Валентина, Виктор Дитман, затем это место занял сын последнего, Александр. Его заместителем, в свою очередь, был Герберт Дитман, сводный брат Валентина. Ирвингиане преследовались властями как до революции, так и после нее. Организация, в которой активно участвовали дочери Александра Дитмана, Вера и Ольга, была окончательно разгромлена уже в Ленинграде в декабре 1933 г.

Вероятно, все эти моменты пробудили у Валентина некое чувство особости, которое впоследствии давало о себе знать. Как бы то ни было, в 1897 г. он успешно окончил училище при лютеранской церкви Св. Анны, а 23 марта 1901 г. получил свидетельство о прохождении полного курса юридического факультета Петербургского университета³. Мы не знаем, как проходили следующие четыре года жизни молодого выпускника. Официальный послужной список Валентина Дитмана начинается в феврале 1905 г., когда его приняли на место младшего кандидата, а затем секретаря гражданского отделения Митавского окружного суда. Прослужив меньше года, Дитман в январе 1906 г. перешел на должность кандидата в Виленское губернское присутствие. Уже через полтора месяца он получил назначение в Гродненскую губернию, где до июня 1907 г. служил по земской части последовательно в Ошмянском, Гродненском и Сокольском уездах. К этому же периоду относится его короткий и неудачный брак с польской дворянкой Марией Родович. Подав на развод в 1905 г., бывшие супруги дождались его лишь в феврале 1907 г.⁴

Уволившись со службы, Дитман поселился в Гродно. Судя по источникам, он открыл там частную практику⁵ и вел ничем не примечательную жизнь провинциального юриста. В это время Дитман вто-

3 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 34488. Л. 11, 17.

4 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3899. Л. 2, 8–11об.

5 Памятная книжка Гродненской губернии на 1910 год. Гродна, [1909]. С. 111.

рично женился на русской немке Изольде Константиновне, от которой имел пятерых детей. Их размеренное бытие было нарушено началом Первой мировой войны и эвакуацией перед наступающими германскими войсками. Судя по месту рождения младшего ребенка, семья провела ее в Киевской губернии. Скучность освещения этого периода жизни Дитмана связана с плохой сохранностью источников.

Революция 1917 г. в России обозначила не только политические перемены, но и переворот общественного сознания. В первую очередь это коснулось национальных групп. Как в тылу, так и на фронте возникали многочисленные национальные организации — украинские полки, белорусские рады, мусульманские комитеты. Их участники, заново осознавая себя, стремились к политической, культурной и иным формам автономии. С другой стороны, революционные потрясения носили экзистенциальный характер. Карьерные и жизненные пути могли сопровождаться самыми неожиданными поворотами. Герои времени могли делать головокружительные карьеры, как адвокат Александр Керенский или беллетрист Владимир Винниченко, летом 1917 г. ставшие главами правительств России и Украины. Напротив, представители «старых» элитных групп по разным причинам могли выпасть из новой общественной структуры и потерять свое положение, а то и жизнь. В этом отношении стремление сохранить, упрочить или даже поднять свой статус в изменившихся условиях порождало самые неожиданные стратегии поведения. При этом определяющими здесь могли быть как национальные побуждения, так и вопрос социальных гарантий.

Все описанные события не могли пройти мимо Дитмана. По рождению и роду занятий он был частью прежней элиты, а его специфическое происхождение добавляло к этому элемент избранности. Помимо этого, Дитману, очевидно, была небезразлична судьба его новой родины. Еще до окончания германской оккупации он вернулся в Гродно, где стал членом Гродненской русской управы. Эта организация возникла в конце октября 1918 г. как небольшая группа бывших российских чиновников, военных и представителей православного духовенства. Свою задачу управа видела в объединении местного русского населения «с целью защиты собственных национальных, религиозных и общественных интересов». По инициативе управы была начата подготовка съезда православного населения Гродненской губернии, который открылся 1 декабря 1918 г.⁶

6 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа // Берацейскі Хранограф. Брэст, 2010. Вып. 5. С. 125.

Затяжной кризис власти, начавшийся в последние годы существования Российской империи, в конечном итоге привел к дисфункции государства. Экстремальный опыт революции и гражданской войны на ходу создавал новые мотивации и расширял границы возможного. Конечная цель и механизмы ее достижения на первый взгляд казались несоотносимыми. В частности, германские военнопленные в России могли присоединиться к большевикам не столько из-за политических убеждений, сколько по причине желания продолжать войну с Антантой, сражаясь против союзных ей белых армий. С другой стороны, в условиях упомянутого кризиса трансформировалась сама идея сильного государства. Так, у сторонников концепции «единой и неделимой России» оказывалось немало претензий к монархии, бывшему символу государственной мощи. В этом отношении те, кто ставил во главу угла сакральную фигуру государя, неизбежно оказывались маргиналами. При этом идея сохранения «большой страны» при условии ее федерализации активно обсуждалась самыми разными политическими силами бывшей империи не только в 1917 г., но и в дальнейшем. Другой вопрос, что, по мере укрепления власти большевиков, национально ориентированные политики призывали пересмотреть отношения с Россией, видя в организаторах нового режима наследников и продолжателей имперского централизма.

Как указывал американский историк Марк фон Хаген, именно эти события оказали заметное влияние на становление национальных историографий. В центре внимания неизменно оказывались собственные страны, тогда как империя описывалась лишь для того, чтобы подчеркнуть ее историческую обреченность. Из-за этого идеи федералистов о создании многонационального государства с широкой местной автономией, сохраняющего экономический и политический статус великой державы, были преданы забвению. При этом попытки реализации подобного проекта действительно были, и происходили они уже после распада империи на ее окраинах⁷.

В случае Гродненской управы мы можем видеть если не попытку подобной трансформации, то по крайней мере декларацию о намерениях. С одной стороны, в ней присутствуют элементы старого имперского дискурса, такие как защита «русскости» в условиях «польской угрозы». Опять же в духе прежней традиции Гродненщина «воображалась» как

⁷ Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 26–27.

(бело)русская, причем эти понятия в представлении руководства управы не исключали, а, наоборот, дополняли друг друга. В итоге управа была переименована в «белорусскую», и в этом опять же не было противоречия. Вместе с тем показательно, что вопрос существования независимой Белоруссии не рассматривался по причине экономической, а не политической нецелесообразности. Не менее примечательно, что заключительная резолюция съезда провозглашала демократические ценности «свободы, равенства и братства», а также приветствовала национальное единение православных и католиков⁸.

Весь этот комплекс нашел свое отражение в докладе Дитмана, сделанном им на съезде. Сама риторика выступавшего говорит о том, что он был знаком с дискуссиями конца 1917 г., когда в Минске обсуждалось будущее белорусских земель. Звучавшая на Всебелорусском съезде идея о независимости Белоруссии воспринималась достаточно враждебно как способная поколебать завоевания «единого фронта российской революции»⁹. Можно с уверенностью полагать, что Дитман был сторонником федерации с демократической Россией. Отвечая на возражения представителей Белорусского комитета, он отметил, что они в рассуждениях о независимом государстве отталкиваются лишь от языковых различий, не называя других факторов для его существования. Высказываясь за объединение Гродненщины с Литвой на правах автономии, Дитман предвидел советско-польское столкновение на белорусской территории и осознавал, что никакой реальной федерации с национальным литовским государством не получится. Именно поэтому оратор назвал этот шаг «наименьшим из зол» в текущей ситуации и предложил заранее не решать судьбу «большой Белоруссии». В этом смысле называть руководителей Гродненской управы «вчерашними русификаторами», стремившимися получить финансовую помощь от литовского правительства¹⁰, было бы грубым передергиванием.

Тем временем события подтверждали опасения Дитмана. Через месяц после упомянутой дискуссии, 6 января 1919 г., Вильна была занята частями Красной армии. В это же время (18 января) в Париже стартовала мирная конференция, которая должна была решить судьбу послевоенной Европы. В феврале в Гродно появился польский комиссар, объявивший, что город скоро займет польская армия. Это соответствовало фактическому распоряжению французского маршала

8 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа. С. 126–127.

9 Чарнякевіч А. БНР: триумф побежденных. Минск, 2018. С. 35–40.

10 Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа. С. 126–127.

Фоша, по которому польским войскам надлежало максимально занять бывшую зону германской оккупации, чтобы не допустить продвижения большевиков¹¹.

Не желая дожидаться развязки, Дитман покинул Гродно вместе с отступающими германскими войсками и в феврале 1919 г. прибыл в Берлин. Не найдя там работу по специальности, он занялся журналистикой¹². Месяц спустя по тому же маршруту отправились деятели Белорусской народной республики (БНР), провозглашенной еще в марте 1918 г. Их главной целью был Париж, где они планировали добиться международного признания нового государства. Тем не менее из-за организационных и финансовых сложностей им пришлось задержаться в Берлине. В какой-то момент там возник временный политический центр, ставший передаточным звеном между Литвой, где находилась часть правительства БНР, и Парижем, где проходила мирная конференция¹³.

Стоит отметить, что среди белорусских представителей были люди с различными политическими взглядами. Так, дипломатическая миссия в Берлине по составу фактически была левой. Первый посол, Аркадий Смолич, в свое время принадлежал к Белорусской социалистической громаде. Сменивший его летом 1919 г. Леонард Заяц, а также сотрудники военного отдела Антон Борик и Ефим Белевич, были эсерами. Напротив, делегация БНР в Париже была в основном представлена правыми консерваторами, выходцами из старой имперской элиты. Очевидно, это был вынужденный шаг со стороны белорусов, таким образом стремившихся получить большую представительность. Члены делегации, в свою очередь, были связаны даже не с Белоруссией, а конкретно с Гродненской губернией. Среди них можно назвать Алексея Ознобишина, бывшего вице-губернатора, и Леонида Баркова, сына крупного чиновника губернского присутствия. Между ними приходилось балансировать главе белорусского правительства и одновременно министру иностранных дел Антону Луцкевичу.

Точно неизвестно, когда к этой разношерстной компании решил присоединиться Дитман. Его мотивация, однако, представляется вполне ясной. Стремление получить реальный или символический

11 *Richter K.* Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919) // *Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten.* Innsbruck, 2013. S. 351.

12 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 38.

13 Архівы БНР. Вільня, 1998. Т. 1. С. 631–633.

капитал подталкивала многих «бывших» представителей элиты присоединяться к новым политическим и национальным движениям. В этом отношении показателен случай Олега Васильковского. Генерал-майор русской армии, в свое время близкий к царскому двору, он рассчитывал стать главнокомандующим будущей белорусской армии. Вероятно, ради этого он безвозмездно выполнял поручения правительства БНР в Финляндии и даже начал писаться «Корчак-Крыница-Васильковский», по старой шляхетской традиции¹⁴. Несомненно, Барков и Ознобишин так же примкнули к белорусам, чтобы покинуть охваченный войной Гродно и сохранить свое общественное положение. Эта стратегия работала и на более низком уровне. Как следует из документов берлинской дипмиссии, паспорта БНР, закреплявшие некий правовой статус их владельца в эпоху постоянных потрясений, стремились получить все, кто имел хотя бы какое-то отношение к Белоруссии. В сложившейся ситуации бывший адвокат и неудавшийся чиновник видел идеальный социальный лифт.

С другой стороны, Дитману могли импонировать взгляды Луцкевича. Это имя он, вероятно, слышал еще в Гродно, где зимой 1918/19 гг. располагалось правительство БНР. Как известно, Луцкевич еще в 1916 г. озвучил идею политической и экономической конфедерации Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины. На волне революции будущий глава белорусского кабинета допускал белорусскую автономию в составе России с надеждой на ее дальнейшую демократизацию¹⁵. Кроме того, свое влияние здесь оказал и локальный патриотизм Дитмана, много лет прожившего на Гродненщине и не видевшего ее в составе унитарной Польши или жестко централизованной России.

Как бы то ни было, в понедельник 4 августа 1919 г. Дитман оставил на имя Зайца заявление, в котором просил обеспечить ему подходящий пост в штате белорусской миссии. О себе Дитман сообщил, что владеет иностранными языками и имеет опыт работы в прессе. В тот же день (формально — с 1 августа) он был принят на должность референта по вопросам политики и прессы с жалованьем 1000 марок в месяц. На дополнительные траты (разъезды, работа стенографистки,

14 Тарасов К. А., Горный А. С. Между Беларусью и «Белой» Россией: генерал Васильковский в эмиграции // Нансеновские чтения 2019. СПб., 2020. С. 536–538.

15 Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М., 2017. Вып. 8. С. 63–68.

представительские расходы) Дитману полагалось ежемесячно еще 400 марок. Позднее суммы были повышены до 1400 и 600 марок соответственно. Помимо прочего, новому сотруднику предстояло выполнять обязанности переводчика и не менее двух раз в месяц готовить для немецкой печати статьи о Белоруссии¹⁶.

Насколько можно судить, Дитман начал работать в пользу белорусской миссии еще до официального трудоустройства. Так, в июле 1919 г. берлинская «Вольная газета» опубликовала его большую статью «Возрождение Белоруссии»¹⁷. Следует отметить, что стремление «широко и детально осведомить и информировать германскую широкую публику» преобладало в деятельности Дитмана над политической ориентацией той или иной газеты¹⁸. Вместе с тем масштаб «пропаганды белорусского дела» был скромнее, чем его живописал пресс-атташе в своих отчетах. Так, в ноябре 1919 г. Дитман докладывал Зайцу, что установил «тесную связь» с «Немецкой всеобщей газетой», влиятельным правым изданием. По словам Дитмана, на его страницах стали печататься «все существенные новости в сфере политической и экономической жизни Белорусской народной республики»¹⁹. На самом деле за весь отчетный период газета поместила всего две небольших публикации на белорусскую тему²⁰. Публичные мероприятия тоже не отличались разнообразием. Из них Дитман упоминал лишь одно, состоявшееся 21 октября 1919 г. в берлинском отеле «Бристоль», где он выступал с докладом по «белорусскому вопросу» перед чиновниками германского МИДа и журналистами²¹.

Гораздо заметнее оказалась другая сторона деятельности Дитмана, а именно его участие в подготовке информационной брошюры «Белоруссия». Из-под его пера вышел исторический очерк, ставший центральным разделом издания. В его основе лежали «Короткая история Белоруссии» Вацлава Ластовского и «Основы белорусской государственности» Митрофана Довнар-Запольского. Развивая их идеи,

16 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 38–38об.

17 Weissrutheniens Auferstehung // Freie Zeitung, Nr. 71 (29.07.1919).

18 Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 247–249.

19 Там же. С. 250.

20 Die weißruthenische Volksrepublik // Deutsche Allgemeine Zeitung, Nr. 484 (4.10.1919). S. 1–2; Weißrutheniens und Litauens Kampf um die Unabhängigkeit // Deutsche Allgemeine Zeitung, Nr. 488 (6.10.1919). S. 1.

21 Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 250.

Дитман писал, что белорусские земли, входившие в Киевскую Русь, оставались автономными, имели собственных князей и национальное представительство (вече). При этом их политическое устройство сохраняло «чисто демократические тенденции», в отличие от Москвы с ее «азиатско-деспотичным» укладом.

Описывая дальнейший ход белорусской истории, автор подчеркивал, что белорусские княжества династическим путем вошли в состав Великого княжества Литовского, сохранив административно-правовую самостоятельность. В новообразованном государстве белорусы, к тому моменту уже имевшие развитую государственность, богатую письменную традицию и оживленные торговые сношения с Западной Европой, сразу заняли ведущее положение. Так продолжалось до 1569 г., когда Литва вошла в состав Речи Посполитой. С этого момента началась борьба между «польским империализмом» и «глубоким чувством свободы» белорусов.

Воспользовавшись слабостью соседа, белорусские земли поглотила Российская империя. Самодержавная политика Романовых, по Дитману, не могла терпеть даже скромной автономии. Было прекращено действие Литовского статута, «блистательного свидетельства белорусского государственного строительства», а вместо него были введены русские законы, противоречившие «правовому сознанию белоруса». Вплоть до самой революции царское правительство, как отмечалось в очерке, стремилось задуть любой росток белорусской национальной жизни. Провозглашение БНР 25 марта 1918 г. «пробудило к жизни народ, которого столетиями лишали любой возможности национального развития»²².

Опубликованная осенью 1919 г. «Белоруссия» стала уникальным для Германии изданием, полностью посвященным белорусской тематике. Дитман, в свою очередь, первым из немецкоязычных авторов изложил непрерывную версию белорусской истории. Вплоть до появления в 1943 г. одноименной монографии Ойгена фон Энгельгардта текст Дитмана оставался для немецкого читателя одним из немногих источников информации о Белоруссии.

Продолжая анализировать данный очерк, следует выделить еще несколько важных моментов. Во-первых, можно заметить, что, воспроизводя национальный исторический нарратив, Дитман модернизировал события в духе собственных федералистских и демократических взглядов. Похожие высказывания встречаются и в его отчетах. Как указывал Дитман, он стремился продвинуть в прессе идею о том,

что «поддержка белорусского народа» была в интересах «демократической Германии» и в будущем помогла бы ей в борьбе с «империализмом Западной Европы». С другой стороны, здесь присутствовал российский фактор. После окончания войны Германия и Россия, воевавшая на стороне Антанты, но заключившая сепаратный мир, фактически оказались в одном лагере, что наметило их сближение. В этой связи Дитман подчеркивал, что «желанный союз с Россией возможен лишь с помощью и через Белорусскую народную республику»²³. Вероятно, автор разделял идею, распространенную среди антибольшевистских политиков. Согласно ей, установление советской власти стало проявлением «болезни» общества и имело временный характер. В этом смысле Дитман был близок к «непредрежденцам», считавшим, что вопрос о будущем общественно-политическом строе России нужно решать только после ее освобождения от большевизма.

Наконец, свою роль здесь сыграло характерное для Дитмана ощущение собственной особенности и важности возложенной на него задачи. 13 ноября 1919 г. он подал рапорт на имя Зайца с просьбой препроводить его Луцкевичу. В своем обращении Дитман отмечал, что «неоднократно удостоивался одобрения и благодарности», однако скромная должность не давала ему «свободы, инициативы и личного престижа». В этой связи он просил поддержать его ходатайство о предоставлении вакантной должности советника. По словам Дитмана, связанные с новой должностью «общественное положение и служебные права» облегчили бы его «ответственную политическую работу» работу в виду ухода Зайца с поста главы миссии. Кроме того, указывая на свое значение как «помощника и ближайшего сотрудника» для нового руководителя, Дитман подчеркивал, что ему необходим пост, «обеспечивающий личное и материальное положение и дающий необходимый престиж в глазах германского общества». Через пять дней, 18 ноября, Заяц оставил на прошение положительную резолюцию. При этом он отметил, что в таком случае миссию должен возглавить «известный в деле национального возрождения белорусский деятель»²⁴.

Дальнейшие события развивались стремительно и совершенно не в том ключе, как их представлял себе Дитман. Так, вероятные претенденты на место Зайца были отрезаны от Германии и к тому же были втянуты в политические баталии внутри белорусского дви-

23 *Сакалоўскі У.* Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925). С. 248.

24 Там же. С. 252–253.

жения. В первую очередь они касались будущего устройства БНР. Глава кабинета Луцкевич, со своей стороны, допускал федерацию Белоруссии с Польшей. Напротив, ряд белорусских деятелей, прежде всего секретарь Рады БНР Петр Кречевский и министр финансов Василий Захарко, выступили за независимое белорусское государство. Столкновение позиций в конечном итоге обусловило раскол Рады в середине декабря 1919 г. и формирование нового правительства во главе с Вацлавом Ластовским. На фоне этих событий должность главы берлинской миссии неожиданно занял Леонид Барков, до этого работавший в парижской делегации. Формально он перенял дела у Зайца 10 декабря 1919 г.²⁵, однако продолжал выполнять свои прежние обязанности, курсируя между Берлином и Парижем. Из-за этого в миссии установилось своеобразное двоевластие.

Чтобы уравновесить ситуацию, предполагалось перевести Дитмана на место Баркова. Данная идея была отклонена самой делегацией по причине нехватки средств²⁶. Дитман все же отправился в Париж в качестве дипломатического курьера. Для БНР эта должность имела особое значение в то время, когда центры белорусской политической жизни были отрезаны друг от друга линиями фронтов или границ. Тем не менее новый курьер получил совсем не тот прием, на который рассчитывал. Обстоятельства дела Дитман изложил в письме Луцкевичу от 4 января 1920 г. По его словам, по прибытии в Париж он сразу же поехал в расположение делегации — большую съемную квартиру в центре города. С собой у Дитмана был портфель, где находились два запечатанных пакета и сумма денег в 425 французских франков. Там его встретил Евгений Ладнов, заместитель Луцкевича как главы белорусской делегации, и пригласил выпить с дороги чашку кофе. Портфель Дитман оставил в прихожей и проследовал в столовую. Следом туда, по его словам, влетел член делегации Ознобишин, который стал осыпать прибывшего курьера беспричинными оскорблениями и затем выгнал его из помещения миссии. По совету Ладнова Дитман поселился в гостинице «Метрополь», а несколько позже, вернувшись в миссию, обнаружил свои вещи на лестнице, куда их выставил Ознобишин. Когда Дитман открыл портфель, то обнаружил, что пакеты и деньги исчезли. Как впоследствии выяснилось, Ознобишин изначально распорядился не пускать Дитмана²⁷.

25 Архівы БНР. Т. 1. С. 523.

26 Там же. С. 522.

27 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 106–107об.

Степень нелепости ситуации было трудно переоценить. Очевидно, из-за этого Дитманом овладели смешанные чувства. С одной стороны, он сразу же направил официальное письмо Ладнову, где заявил об ответственности Ознобишина²⁸. Вместе с тем по неясной причине Дитман вскоре покинул Францию и через Швейцарию выехал к своей семье в южнонемецкий Констанц. Оттуда он планировал вернуться в Париж, однако этому помешал приступ тяжелой болезни, о чем супруга Дитмана сообщила в миссию 19 января 1920 г.²⁹ В ответ из Берлина в Констанц 28 января было направлено письмо от имени Баркова. В нем говорилось, что с момента потери документов Дитман может считать себя «свободным ото всех обязанностей в рамках миссии». Также ему вменялось то, что он больше месяца пребывал вне службы, не имея при этом поручений от делегации. На основании этого берлинская миссия с 1 февраля расторгала с Дитманом «любые деловые взаимоотношения». 29 февраля Дитман получил в Берлине свой месячный оклад в 2000 марок в качестве выходного пособия³⁰. Такую же сумму, за вычетом 200 марок в качестве накладных расходов, ранее авансом получила его супруга³¹.

Благодаря документам, сегодня мы знаем формальную сторону данной ситуации. Плачевное финансовое положение заставило Луцкевича как министра иностранных дел 23 января 1920 г. распорядиться о сокращении штата берлинской миссии. 27 января Заяц и Барков уведомили его, что, среди прочих, будет уволен Дитман³². Здесь на себя обращают внимание некоторые, на первый взгляд, странные моменты. С одной стороны, всего за два месяца до того Заяц дал Дитману положительную характеристику, о чем сообщил Луцкевичу. Написанное «по горячим следам» объяснительное письмо Дитмана также было переслано Ладновым главе кабинета. Тем не менее реакции Луцкевича на это сообщение не последовало. Более того, как следует из письма берлинской миссии от 28 января, там не получали разъяснений Дитмана о парижском происшествии.

Картина начинает немного проясняться, если взглянуть на нее глазами Луцкевича. В условиях нараставшего кризиса внутри белорусского движения главе кабинета хотелось иметь на ключевом посту

28 Архівы БНР. Т. 1. С. 538.

29 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 98–98об.

30 Там же. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 22–23об.

31 Там же. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 22. Л. 104–105.

32 Архівы БНР. Т. 1. С. 621, 629.

своего человека, молодого и энергичного сотрудника, который смог бы противодействовать его политическим оппонентам. Так его выбор пал на Баркова. В октябре 1919 г. по распоряжению Луцкевича он был назначен представителем правительства БНР в Берлине с правами консула. Помимо прочего, в задачу Баркова входило «поддерживать национальную работу» между белорусами, находящимися в Германии, координировать информационное сопровождение и продвигать идею признания независимости Белоруссии, завязывая необходимые контакты с представителями других правительств и миссий³³.

На момент вступления в должность главы миссии Баркову исполнилось всего 27 лет. Тем не менее это был честолюбивый и амбициозный человек. До войны он успел окончить престижное Училище правоведения в Петербурге, а после мобилизации получил чин прапорщика в Николаевском инженерном училище³⁴. Неясно, осознавал ли Луцкевич, что весь аппарат берлинской миссии состоял из людей подобного склада. Наряду с Дитманом, яркими персонажами были Антон Борик и Афроим Павловский. В частности, Борик ранее строил карьеру в русской армии. Поступив на службу добровольцем в возрасте 18 лет, он служил в Петрограде и на Балтике, закончив войну подпоручиком³⁵. На пост военного атташе в Германии Борик заступил в марте 1919 г., когда ему был 21 год. Павловский в свое время защитил в Берлинском университете диссертацию по медицине³⁶, а теперь управлял делами миссии и сам вел переговоры с немцами о признании Белоруссии. В этом смысле вероятный конфликт Баркова со своими подчиненными был предопределен.

Пользуясь тем, что Луцкевич фактически вверил ему весь функционал, Барков постепенно нейтрализовал всех своих конкурентов. Проработав несколько месяцев в парижской делегации, новый глава миссии хорошо изучил слабые стороны белорусского движения. В частности, зная о царившей в нем шпиономании, он объявил Дитмана немецким, а Павловского — советским агентом³⁷. Борик был уволен по сокращению

33 Там же. С. 461–462.

34 *Пашенный Н. Л.* Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид, 1967. С. 233.

35 РГВИА. Ф. 409. П/с 237–810. Л. 212–214об.; ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

36 *Chronik der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913. Promotionen.* Halle, 1914. S. 47.

37 Архівы БНР. Т. 1. С. 538, 749.

штата, хотя сам Луцкевич просил оставить его в составе миссии³⁸. При этом симптоматично, что Барков сохранил место за юрисконсультком миссии, Бруно Миллером, который был близок ему как по социальному происхождению, так и по политическим взглядам.

Следует также помнить, что Барков изначально принадлежал к «русской партии» и рассматривал «белорусское дело» как инструмент для достижения собственных целей. Этот подход, в частности, проявился в постоянных передвижениях Баркова между Парижем и Берлином, хотя подобная связь с Германией очевидным образом дискредитировала белорусов в глазах Антанты. Когда поражение Луцкевича стало очевидно, Барков не задумываясь перешел на сторону его оппонентов³⁹. Подобной свободе действий способствовала и атмосфера взаимного недоверия среди белорусов. Так, в мае 1920 г. Ладнов, сменивший Луцкевича на посту министра иностранных дел, выступил с обширным разоблачением Баркова. Как следовало из него, руководитель берлинской миссии вместе со своими соратниками еще за год до этого основал «монархическо-патриотическую русскую организацию», которая контактировала с немцами, прикрываясь белорусскими мандатами⁴⁰. Это обвинение, однако, не возымело действия, и Барков оставался в должности еще около года.

Что касается Дитмана, то последний раз его имя в связи с белорусским движением всплывает тогда же, весной 1920 г. Вместе с Павловским и другими бывшими сотрудниками миссии он подал на нее коллективный иск в суд с целью получить невыплаченное жалование. Дело, впрочем, застопорилось из-за юридической коллизии. Так, дипломатическое представительство в силу экстерриториальности было неподсудно прусским законам. Переквалификация дела против конкретных лиц (Зайца и Захарко) натолкнулась на отсутствие официального признания их статуса со стороны властей⁴¹. После этого о Дитмане нет ни одного упоминания. Его дальнейшая судьба, равно как и место и время смерти, неизвестны.

* * *

Революционные события 1917 г. в России обозначили не только глубокие политические изменения, но и столь же ощутимые подвижки

38 Там же. С. 621.

39 Там же. С. 659.

40 Там же. С. 768.

41 ГАРФ. Ф. Р5782. Оп. 1. Д. 40. Л. 43–43об., 72.

в самоощущении людей. Образ мыслей и система мотиваций, считавшиеся до того незыблемыми, менялись на глазах. Сохранение и поддержание былого статуса требовали создания новых смыслов реальности, осуществление которых могло принимать самые замысловатые траектории. В первую очередь это касалось элитных групп, до этого считавшихся опорой империи. Так, кадровые офицеры русской армии, в зависимости от умонастроений, могли бороться за возрождение «большой страны», или напротив — отстаивали свое национальное государство (автономию). При этом армия, в которой они служили, могла не иметь ничего общего с личностными особенностями офицера, поскольку здесь он стремился реализовать свой профессионализм и в ответ ожидал «авторизации» в новой системе взаимоотношений.

Описанные процессы также затронули интеллигенцию, прежде всего, людей умственного труда и образованную часть бюрократии. Они оказались в двоякой ситуации. С одной стороны, у них не было универсальных навыков, как у военных. Тем не менее в переменившемся положении они стремились найти оптимальные социальные лифты. С их помощью они стремились не только зафиксировать свой статус, но и, по возможности, улучшить его. Чаще всего подобные возможности давали «новые» государства, которые формировали или укрепляли собственные элиты. Неслучайно, что русские специалисты получали наиболее теплый прием в таких странах, как Югославия, Болгария и Чехословакия.

В похожей ситуации оказался и Валентин Дитман. В этом юристе из провинциального Гродно сошлось множество противоречий. Он был выходцем из специфической элитной группы, которая долгое время считалась одной из опор имперской власти на Балтике, однако из-за отстаивания собственной автономии превратилась в нелояльную. Свой отпечаток на Дитмана наложила домашняя обстановка и приверженность его семьи нетрадиционным духовным и профессиональным практикам. Он рос и формировался в столице империи, однако впоследствии нашел новую родину на ее западных границах. По духу Дитман был скорее национал-демократом, но при этом не мыслил себя без «большой страны», предпочитая автономию полной независимости.

Загадка Дитмана заключается в том, почему он в итоге выбрал БНР. Насколько можно судить, изначально он не «воображал» Гродненщину как часть белорусского государства. К тому же руководители БНР все же выступали за независимое существование. Трудно поверить, что лишь соображения карьерного характера заставили Дитмана стать вдохновителем и руководителем первой в Германии информационной

компании, посвященной Белоруссии. Написанный им краткий экскурс в белорусскую историю воспроизводил именно национальный нарратив и был пронизан свободолобием и надеждой на перемены.

Вероятно, ожидая демократизации России, Дитман хотел начать с Белоруссии. Здесь, однако, он попал в ловушку свойственного ему мессианского идеализма. Политически слабое и терзаемое внутренними раздорами белорусское движение нередко становилось инструментом для тех, кто стремился реализовать свои амбиции. Внутренне ощущавший себя незаменимым, Дитман пал жертвой интриг и безразличия, тем не менее оставив яркий след в ранней истории БНР.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі = Archives of the Belarusian Democratic Republic. Т. 1, кн. 1: Фонд № 582 Дзяржаўнага Архіву Літвы («Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі») / укладаньне, падрыхтоўка тэксту, уступны артыкул, камэнтары, пераклады, паказальнікі: С. Шупа. Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага: Беларускі інстытут навукі й мастацтва; Таварыства беларускага пісьменства; Наша Ніва Наша Ніва, 1998. xxxi, 850 с.

Ляхоўскі У., Чарнякевіч А. Гродзенская губернская ўправа // Берасцейскі Хранограф. Брэст: Альтэрнатыва, 2010. Вып. 5. С. 122–153.

Михалюк Д. Литовско-белорусские отношения на территории Ober-Ost в годы 1-й мировой войны (1915–1919) // Россия и Балтия. М.: Весь мир, 2017. Вып. 8. С. 59–78.

Памятная книжка Гродненской губернии на 1910 год. Гродна: Издание Гродненского губернского статистического комитета (Губернская типография), [1909]. 535 с.

Пашенный Н. Л. Императорское Училище правоведения и правоведы в годы мира, войны и смуты. Мадрид: Издание Комитета правоведской кассы, 1967. 456 с.

Сакалоўскі У. Надзвычайная місія БНР у Нямецчыне (1919–1925) // Arche. 2009. № 3. С. 7–328.

Тарасов К. А., Горный А. С. Между Беларусью и «Белой» Россией: генерал Васильковский в эмиграции // Нансеновские чтения 2019. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2020. С. 527–551.

Хаген М. фон. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство, 2005. С. 15–44.

Чернякевич А. БНР: триумф побежденных. Минск: Янушкевич, 2018. 302 с.

Chronik der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913. Promotionen. Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1914.

Die weißruthenische Volksrepublik // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. Nr. 484.

Richter K. Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919) // Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten. Innsbruck: Studienverlag, 2013. S. 341–358.

Weissruthenien. Hrsg. v. W. Jaeger. Berlin: Curtius, 1919. 152 s.

Weissrutheniens Auferstehung // Freie Zeitung. 1919. Nr. 71.

Weißrutheniens und Litauens Kampf um die Unabhängigkeit // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. Nr. 488.

References

Cherniakovich, A. *BNR: triumf pobezhdenykh*. Minsk: Ianushkevich, 2018, 302 p.

Chronik der Königlich Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin für das Rechnungsjahr 1913. *Promotionen*. Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1914.

Hagen, M. von. “Istoriia Rossii kak istoriia imperii: perspektivy federalistskogo podkhoda.” *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoĭ istoriografii*, Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 15–44.

Jaeger W., editor. *Weissruthenien*. Berlin: Curtius, 1919, 152 p.

Liakhoŭski, U., and A. Charniakovich. “Hrodzenskaia hubernskaia uprava.” *Berastseŭski Khranohraf*, no. 5, Brest: Al'ternativa, 2010, pp. 122–153.

Mikhaliuk, D. “Litovsko-belorusskie otnosheniia na territorii Ober-Ost v gody 1-i Mirovoĭ voĭny (1915–1919).” *Rossii i Baltiia*, vol. 8, Moscow: Ves' mir, 2017, pp. 59–78.

Pashennyĭ, N. L. *Imperatorskoe Uchilishche pravovedeniia i pravovedy v gody mira, voĭny i smuty*. Madrid: Izdanie Komiteta pravovedskoĭ kassy, 1967, 456 p.

Richter, K. “Einziger Beschützer vor der Gewalt der Polen: Kriegserfahrungen weißrussischer Soldaten in Grodno (1919).” *Jenseits des Schützengrabens: der Erste Weltkrieg im Osten*, Innsbruck: Studienverlag, 2013, pp. 341–358.

Sakaloŭski, U. “Nadzvyčajnaia misiia BNP u Niamechchyne (1919–1925).” *Arche*, no. 3, Minsk, 2009, pp. 7–328.

Šupa S., compiler. *Archives of the Belarusian Democratic Republic = Arkhivy Belaruskaj Narodnaj Rėspubliki, vol. 1, book 1: Fond no. 582: The State Museum of Lithuania = Council of Ministers of the Belarussian Democratic Republic*. Vilnius, New York, Minsk, Prague: Belarusian Institute of Arts and Sciences, Belarusian Literary Association, Nasha Niva, 1998, xxxi, 850 p.

Tarasov, K. A., and A. S. Gornyi. “Mezhdu Belarus’iu i «Beloĭ» Rossiĭ: general Vasil’kovskii v ėmigratsii.” *Nansenovskie chteniia 2019*, Saint Petersburg: Russkaia ėmigratsiia, 2020, pp. 527–551.

DOI 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Barinov I. I.

“The naturalized son of Belarus”: The Mystery of Dr. Dittmann

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. “The naturalized son of Belarus”: The Mystery of Dr. Dittmann // *Slavic Almanac*. 2021. No 1–2. P. 233–253 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.2.01

Received: 23.11.2020.

Abstract

The article examines the biography of Valentin Dittmann, a lawyer and politician of Baltic-German origin, who became a counselor of the Diplomatic Mission of the Belarusian People’s Republic (BNR) in Berlin. The German-language brochure “Weissruthenien” was published with Dittmann’s active involvement and was considered as the main source of information about this region in Germany for a long time. In a broader context, through the prism of Dittmann’s life and activities, the transformation of the system of ideas and motivations of former Imperial elites after the 1917 revolution became the subject of research. The

desire to preserve and improve their social status during the political instability has significantly expanded the boundaries of imaginary. In particular, the elite representatives previously loyal to the throne could drastically change their views on the very idea of a “strong state”. From now on their position ranged from federalism to cooperation with those who were previously considered as “separatists”. On the example of Dittmann, we can follow the peculiar experience of the “homo impericus”, who strove to combine the elitist consciousness inherited from his ancestors with national democratic political views and local (Belo) russian patriotism.

Keywords

Russian Empire, Baltic Germans, Belarusian People’s Republic, Belarusian national movement, German-Belarusian relations.